

12+

Патриотка

Бунас Полина

Полина Бунас

Патриотка

«Издательские решения»

Бунас П.

Патриотка / П. Бунас — «Издательские решения»,

Девятиклассница Маша переходит в новую школу. Маша не гонится за чем-то великим, а просто желает тихой жизни. Однако совсем скоро её мечты разбиваются о жестокую реальность. Но... Неожиданно перед Машей встаёт цель. А в новой школе её поджидает Ева. И Ева не желает мириться с новенькими. Да и вообще не желает перемен. Но... Она ещё не знает, насколько сильно изменится её жизнь. Мечты сбываются редко. Но значит ли это, что жизнь может готовить нечто большее?

© Бунас П.

© Издательские решения

Содержание

Примечания к тексту	6
Пролог	7
Глава номер 1	8
Глава номер 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Патриотка

Полина Бунас

© Полина Бунас, 2026

ISBN 978-5-0070-2394-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Примечания к тексту

Жирный — главное слово;

Курсив — кривляние;

Чёркнутый — сарказм;

Другой шрифт — воспоминания.

Пролог

Встречаются же на свете исключительно добрые люди. Но их почему-то принято звать сумасшедшими, или же просто чудаками. А ведь такие люди способны на очень многое... Могут даже целый мир перевернуть с ног на голову, а иногда, наоборот, поставить всё на свои места. Эти люди способны даже злейшего врага простить за сущий пустяк и бесценок, буквально за одно доброе слово... А им самим везёт не так часто. Точнее совсем редко. Ведь, когда они встречаются с обычными людьми, случается...

— Маша! Хватит копать: ехать пора!

Маша Шпак. Одна из тех исключительно добрых людей. У неё это прямо на лице написано: круглолицая, сероглазая, темнобровая, со светло-русой косой ниже пояса, невысокая и худощавая. А глаза горят всегда, словно две звёздочки.

— Маша! Колькі я яшчэ буду горло рвать?

— Да иду я, — она спустилась с последней коробкой в руках и села в машину. — Лето ж яшчэ не закончилась, навошта сейчас ехать?

— Да ладно тебе, душка. Будем жить у квартиры, — мама её, Любовь Фёдоровна, человек такой же исключительно добрый.

— Ці ты против? — да и отец, Иван Петрович, тоже.

— Нет. Просто я думала, что мы поедзем на следующей неделе.

— Хочешь, можем остаться яшчэ на пару дней. Я договорюсь з...

— Не трэба.

— Поехали уже! — и братик Стёпка был точь-в-точь как старшая сестра.

Два часа старых песен в душевной машине — и вот он новый дом, точнее квартира: две комнаты и кредит на ремонт.

— Я сказала, что ты наказана! Сколько ещё раз мне нужно это повторить?!

И соседи сверху. Очень громкие соседи. И мерзкие. А хотя...

Ева. Ева Адамова. Девчонка Машиного возраста. Высокая, тоже круглолицая, но с глазами карими, каштановыми волосами до плеч и двумя постоянно выбивающимися прядями. И как достаточно многие подростки Ева не близка с родителями.

Ирина Александровна, мама. Всегда думает, что знает дочь лучше её самой. И Андрей Андреевич, отец. Ему никогда ничего не нравится, даже то, что он сам же и сделал.

Но, честно говоря, родители-то нам сейчас не очень интересны. Ну, может быть, там к середине... Ну ладно, не буду забегать вперёд. И так, начнём...

Глава номер 1

(Маша)

«Сейчас дзень ці утро? Колькі вообщё сейчас?»
Я потянулася за телефоном. Десять. Як поздно. Трэба раньшэ ложыцца.
— О, проснулася, — «и Стёпа тут як тут». — Вставай, вставай.
— Яшчэ минуту...
— Просыпайся, Кикимора.
— А ты тады лиху аднавокае, — я только присела на кровати.
— Я Леший, — «як смешно ён дуется». — Сама ты лиху. Спишь — не добудышся.
— Не-е, я Кикимора...
— Маша, ты уже проснулася? — а гэта уже мама.
— Да, мам, — я наконец-то встала. И сразу ж побрела на кухню. — Зрабі, чайку, пожалуйста.
— Ага. Смотри, гэты электрический чайник так хутка воду грэе. Не то, что на плите.
— И шумит, не то что на плите.
— Что ёсць. И вообщё з гэтымі новшествами...
— Лады... А дзе папа? — я только зараз заметила, что яго няма.
— Поехал на новую работу устраиваться.
— А ты?
— А я на той жа маршрутке, только ў другом направлении.
— Ага. Так, а до якога ў тебя отпуск?
— До третьего. Так, а что я хотела? Вось ждала ж, пока проснёшься.
— Можа опяць штосьці напамінь?
— А, вспомнила. Сейчас позавтракаем и пойдём документы ў новую школу подавать.
«Як жа *здорово* переводится на последний год... Хотя, наверное, гэта лучше, чым по два часа на маршрутке ездить».
— А, и яшчэ кое-что, — «что яшчэ?» — Ты ж помнишь, что гэта город?
— Оу, точно. Хотя, думаю, яны ўсё равно поймуць меня. Верно? Яны ж не придурки.
Объясню им: так-то и так-то, я вясковая. И ўсё...
— Не волнуйся. Усё буде добра.
— Наверное.
— Ладно, душка, что вам готовить?
— Не знаю...
— Оладки?
— Да, давай.
— Стёпа, оладки будешь? — а вась и чаёк.
— Да!
«Так, нужно найти, что надеть. Придётся ж з мамой идти. Надеюсь, что школа буде не так далеко, як там. Хотя гэта ж город. Тут школы на каждом углу должны быць».

*** (Маша)

— Слушай, здорово, что школа так близко, — «можно буде вставать аж у семь часов».
— Да. Мы з папой старались выбрать район, дзе ўсё буде. Тут школа, поликлиника, магазины... У-у, рядом метро и две автобусные остановки.
— Гэта уже ваш плюс.
— Ну, можа быць, — мама только пожала плечами.

И вось мы наконец вошли на территорию школы.

«А новая школа не такая уже и новая. У нас у вёске почти такая ж была. Три этажа. А там было четыре. Так, что тут яшчэ интересного? «Аллея выпускников». Вось гэта аллея — два дерева. А яшчэ ни яблонь, ни вишен... Даже парэчкі няма! Во ж городские морды... одни берёзы да шыпшіна. Ничего.

Так... мне ж на русском размаўляць трэба. А ў меня ўсё равно трясанка атрымліваецца. Гэта ў вёсцы меня разумеюць, а тут не поймёт ніхто. Так, успокойся. Девятый класс — взрослые людзі. Яны ж не придурки. Поймуць...»

— Заходи, душка, — «в смысле? Уже?».

— Вы подавать документы?

— Да.

— Налево, в дверь и в сто девятый кабинет.

— Спасибо.

Дверь была открыта:

— На приём документов? Или жаловаться? — «так грубо...»

— Первое.

— Давайте сюда, — наконец гэта женщина и на меня посмотрела. — А девчонке здесь не место. И двери закройте.

«И навошта я тады сюда пёрлася?».

Я уселась на лавку ў коридоре и стала ждать. Внутри школа тоже красивая: плитка цветная, з узорами всякими, цветы якія-то фанерные стояць, а на стенах надписи... А буквы-то не нарисованы, а приклеены. «Все мы — часть одной большой семьи». Яшчэ и «семья» цветными буквами. «Сила в единстве и поддержке» Да. Якія толковые надписи. «Человек без Родины — бедный человек». Лепота якая!

«Здорово як им тут учиться... Да ў такой школе яны, наверное, по экскурсиям, по выставкам, по музеям... Да яны тут самые лучшие павінны быть. Не то, что ў старой школе, дзе тряпки ў потолок кидаюць... Мне б яшчэ ў такой класс, дзе усе со мной на одной волне. Ну альбо хоть просто не игнорировали... Класс патриотов... Як было б здорово».

Минут через пятнадцать вышла мама. Але чаму-то яна была очень довольная:

— Душка, ты представляешь тебя зачислили ў патриотический класс!

— Что?! — «гэта что там за стеной мысли читаюць?»

— Да, душка. Ты рада?

— Ты яшчэ спрашиваешь?! Мы будем ходить на экскурсии по предприятиям, выставки, будем посещать музеи, мемориалы... Мы будем учиться народному творчеству... Гэта ж офигенно! А главное — у меня буде о чым поговорить з новыми одноклассниками! — «и ў меня наконец-то budouць друзья!»

— Ну, я сказать, что буде, не могу. Я сама не знаю, что значит «патриотический класс», але уверенна, что тебе там понравится.

— А людзей у гэтым классе много?

— Душка, я не знаю... Пойдём домой.

— Ага, — «же не дождуся, калі смогу познакомиться з одноклассниками...»

*** (Ева)

— Ева, — и опять он зашёл ко мне без стука.

— Что?

— Лицо попроще, — «куда ещё проще-то?» — Готова к новому учебному?

— Он только через месяц.

— И что? Так... Ты у нас в каком?

— В девятом.

— Окончила или переходишь? — «трэш, папа даже не знает в каком я классе».

— Перехожу.

— Ну, ты до одиннадцатого.

— А может быть я не хочу? У меня ни разу не спросили...

— А меня это не волнует! — «тебя **никогда** ничего не волнует». — Мама уже выбрала, куда ты поступать будешь.

— Она ещё в прошлом году выбрала.

— *Бла-бла-бла...* не возмущайся. Сделала бы что-нибудь полезное. И это... спину выпрями.

Я села ровно и замолчала. Ещё и телефон отложила, чтобы вообще не к чему было прицепиться. Да и в комнате у меня чисто. Даже вещи сложены аккуратно. Я только что все дела переделала — здесь не к чему придаться. Хотя этот найдёт.

Однако папа только нахмурился. Он ещё раз окинул взглядом мою комнату и наконец-то вышел из неё, оглушительно хлопнув дверью. Видимо, всё-таки ничего не нашёл.

«Надоел уже: то ему не нравится, это ему не нравится... А как нервы трепать, так это он мастер...»

— Можно к тебе? — «один ушёл, зато вторая припёрлась».

— Ты **уже** вошла.

— Я хотела поговорить с тобой по поводу оценок.

— Средний бал должен быть не ниже девяти... Я знаю.

— И остаёшься до одиннадцатого.

— И это я тоже знаю. Какой смысл париться над отметками в девятом, если я всё равно не буду поступать?

— Смысл в том, что я так сказала! Ты обязана закончить с медалью.

«Гениальная логика... Зачем мне эта медаль, если она ничего не даёт?»

— Так, а что я хотела? — явно ничего хорошего, хорошего она ничего никогда не хочет.

— Уйти?

— Нет, — «ага, размечталась...» — А, вспомнила. Примерь рубашки.

— Но...

— Никаких «но». Я не позволю тебе ходить в школу абы в чём... Я не хочу, чтобы все думали, что я плохая мать. Нужно держать образ.

Наконец и она ушла. И дверью хлопнула. Как эти двери ещё не отвалились?

«А сами говорят про какие-то границы. Капец просто. Ладно. Скоро в школу. Даже не знаю: начнётся ад или закончится? Хотя с моими родоками вряд ли. Только, если перееду. Да нет. Мне и восемнадцати-то нет.

Скорее бы Дашка с Ульяновкой приехали. Будет хоть с кем поговорить нормально. Надеюсь, что в этом году школа не подкинет каких-нибудь дурацких сюрпризов...»

*** (Маша, спустя месяц)

«Вось и триста тринадцатый... Новые лица, яшчэ и городские. Придётся з усімі знакомиться... Успокойся, там нормальные люди. Тым более патриотический класс. Ты з ними поладишь, не бойся...»

— Здравствуйте, — я тихонько постучалась и вошла.

На меня даже не взглянули. Я немного помялась и села на свободное место. Прошло почти десять минут, а ніхто ничего не сказал и ни разу не посмотрел у мою сторону. И даже между собой яны не разговаривали. Сидят у телефонах и даже на своих жа не смотрят.

«Чаму яны ўсе молчат? Неужели им нечего обсудить ці хотя б поделиться впечатлениями за лето?»

Почти гробовая тишина. Я перевожу взгляд з одного человека на другого, туда-сюда, але яны и дёрнуться не жаляць. Усе сядят, як каменныя статуи. Кожную минуту нехта вхадит и так жа замирае, словно прокляты. Меня душит гэта молчаніе...

— Уля! Даша! — у класс наконец вошли две очень похожие друг на друга девчонки и к ним у объяття сразу ж бросилася яшчэ одна.

— Ева! — хором воскликнули те.

«Якія милые девочки. Наверняка, близкие подруги. Наверное, з ими я подружуся ў первую очередь».

Двое з них скорей усяго двойняшки: яны одного роста, обе блакітнавокія и русоволосые (у них даже волосы одной длины), лица ў обеих овальные — абсолютно одинаковые. Словно зеркало во весь рост. Разве что одна з их носит очки. А третья...

— Извините, дети, опоздала, — тут зашла классная.

На вид ёй лет шестьдесят. Яна слегка полноватая, невысокая, з короткой красно-вато-рыжей стрижкой, з круглым лицом, тёмными вочамі и морщинами под ними.

— Не дай Бог, конечно, вы не помните, но зовут меня Валентина Геннадьевна, — а голос у неё не такой уж и старый. — Сейчас будем спускаться на линейку, но сначала давайте познакомимся. Впервые за эти девять лет у вас в классе новый человек.

«Девять лет?! Яны что з першага класса без новеньких?!»

— Встань, пожалуйста, — яна яшчэ и указала на меня.

Я медленно поднялася и уж тут-то ўсе на меня посмотрели. Опять гэта молчаніе.

«Яны не придурки... яны ўсё поймуць...»

— Привет, я Маша.

И понеслися ўсякие вопросы ды выкрики:

— А какая у тебя фамилия?

— Да, блин, ещё одна девчонка!

— А ты учишь немецкий или английский?

— Обалдеть, какие у тебя длинные волосы!

— А из какой ты школы?

«Колькі вопросов...»

— А ты шаришь за драмы?

«Шарю? Что ж гэта значит? Па кішэням что ли? Не помню... Я ничего не разумею!»

— Оу, я сразу жадаю вас предупредить: я вясковая. Мы недавно переехали, и я яшчэ не привыкла к городской мове, пагэтаму иногда могу не разумець вас... Але я очень жадаю з вами подружиться, — «я ж ехала сюда з полной уверенностью, что не буду карыстацца трасянкой».

Вопросы сразу прекратились. Усе похлопали вачыма, а некоторые стали перешёптываться, нервно поглядывая на меня.

«Ціха. Яны просто не привыкли к гэтаму... Наверняка, их просто смутил мой жаргон. Яны привыкнуць, яны поймуць. Яны ж не придурки...»

— Всё, спускаемся на линейку, — поторопила Валентина Геннадьевна. — Живо-живо!

Линейка была ужасно долгой. Не понимаю: что можно мусолить там целый час?! У нас у вёске обычно включали гимн, две минуты штосьці бубнил директор (а тут во время гимна бубнили — безобразие!), а потом нас усіх отпускали. А тут целый час штосьці говоряць, штосьці поюць, штосьці распинаются...

Меня поставили ў первый ряд (я оказывается яшчэ и самая низкая ў классе), и мне ўсё время казалася, что на меня ўсе смотрят.

«Як-то страшновато: у них усё-таки никогда не было новеньких, да и я не лучшее впечатление на них произвела... Так соберися. Усё нормально. Только трэба немного времени...»

— Так, быстро садитесь, — наконец-то мы вернулись ў кабинет. — Помните самое главное? Вы патриотический класс. И Виктория Викторовна сказала, что в этом году она вами займётся.

— У-у-у... — «якія-то яны не слишком радостные».

— И с этого года вам в обязательном порядке нужно будет носить шевроны, — классная пошла по кабинету, раздавая их.

Якія яны красивые: чёрные з вышитыми золотой нитью рамкой и надписью «патриотический класс».

— Эй, — меня толкнули.

Соседка по парте. Яна тоже не очень высокая. У неё румяные щёчки, слегка вздёрнутый нос, тёмные вочы и веснушки, рыжеватые волосы, собранные ў хвостик до плеч. А яшчэ ў неё фигура «яблоко». Яна, у принципе, напоминае яблочко.

— Ты чего такая радостная? — а вось вочы не горят.

— Ну як жа? Мы будем ходить з гэтымі шевронами по школе, и ўсім сразу буде видно, что, вось, мы истинные патриоты.

— Хе... — «чаму яна так скривилася?» — Я, конечно, тебя растрою, но, боюсь, что ты одна тут патриотка.

— А вы? Вы ж патриотический класс...

— Да, очень. Здесь все патриоты, все без исключения... И ты лучше не заикайся об этом.

— Чаму?

— Лучше не надо.

«Что опять не так? У патриотическом классе нет патриотов? Але гэта ж неправильно...»

— Эй, — яна опять меня толкнула. — Я, кстати, Полина.

— Приятно.

Яна просверлила меня взглядом з ног до макушки.

— Ладно, ты не такая уж и странная. По крайней мере, не настолько, как я предполагала. Но кличка тебе обеспечена. *Патриотка*...

— «Патриотка»? Разве гэта кличка?

— Хорошо, что тебе не обидно. Считай, это теперь твоё имя.

— А можа меня не будуць так называть? Откуда ты знаешь?

— Тебе будет трудно в городе, — Полина чаму-то вздохнула і отвернулася.

«Ладно. Им городским виднее. Яны ж не психи и не придурки...»

*** (Ева, после уроков)

«Кто вообще составлял это дурацкое расписание? В понедельник семь уроков. Кто додумался? Неужели им самим было не в падлу семь уроков нас здесь держать? Первого сентября».

— О, привет! — «деревенская? А она чё здесь делает?».

— Ну, здрасте... Ам, ты тоже живёшь в этом доме? — «хоть бы нет...».

— Оу, да. Мы получается соседи. Ходим у один класс и живём у одном здании. Гэта ж здорово!

— Ам... Нет.

— Что? Чаму?

— Давай объясню короче: всё это время **я** лучше всех училась, **я** лучше всех выглядела, у **меня** было больше всего друзей. А сегодня появилась **ты**, и все говорили только про тебя. И знаешь...

— Але я толькі перешла к вам, — «да как она смеет перебивать меня?» — а ў вас новеньких никогда не было.

— Ты не поняла! — «я тоже могу перебивать». — Объясню ещё проще, специально для такой *деревеницыны*: если ты собьёшь мой статус, будет очень печально.

— Як жа я яго тебе собью?

— Да чего ж ты такая непонятливая?! — она аж отступила. — Не набивайся ко мне в друзья: не позорь меня! Дружить с идиотами совсем не выгодно и уж тем более не круто.

— Знаешь, а ты права. Усяго хорошего, идиотка.

— Ну наконец... Что?! — «она назвала меня идиоткой?!».

Новенькая зашла в подъезд, и сама закрыла двери. Прямо перед моим носом.

«Подумаешь... Бестолковая, бесполезная... А хотя...»

Через минуты две и я уже была в квартире.

— О, какие люди, — «ненавижу людей со свободным графиком».

— Привет, папа.

— Ты чё так долго?

— Семь уроков.

— Да? А я вот видел, что ты с какой-то подружкой шла. Кстати, а кто она? Я её чего-то не помню.

— Это новенькая. И она мне не подружка, — я сняла туфли и поспешила в комнату.

— Стоять, — но папа схватил меня за плечо.

— Ну, что ещё?

— Матери будешь огрызаться! — «но я даже голос не повысила!» — Чё ещё за новенькая?

— Просто новенькая. Машка какая-то. Деревенская. В город недавно только переехала.

— Ты чё такая недовольная?

— Да, блин, она пришла и все сразу: «*Маша, Маша, Маша, Маша...*». А учителя аж пищат от восторга.

— С какой такой радости?

— Она в первый день умудрилась получить две девятки. Хотя даже не напрягалась и не просила вызывать её.

— Ага... Так, ты это... Иди уроки делай. А то эта Машка по успеваемости тебя и обгонит, — «вы чё все сговорились?».

Наконец-то он отпустил меня. Зато потом чуть ли не пихнул в комнату. Да с такой силой, что ещё чуть-чуть и сломал бы мне что-то. Словно мне не может быть больно.

«Почему эту деревенскую дуру все так полюбили? Ну ничего, подожду недельку, к тому времени она уже должна будет забыть про сегодняшний случай, а потом сама влезу к ней в друзья. Потом подстрою под себя и раскручу это всё так, будто она сама стала подрожать мне. Все будут думать: «Вот какая я молодец, что глупая деревенская простушка выбрала меня, как пример для подражания...». Просто офигенно».

*** (Маша, спустя неделю)

— Пока, Полин.

— Пока.

«Хорошенькая девочка. Не то что гэта Ева со своими подружаньками: толькі і знаюць, что выпендриваться, а як толькі понадобится что, так яны палец о палец не ударят!»

— Ну, привет.

— Ой, напугала, — «Ева? А что ей надо?» — А что тебе надо?

— Да так, — «говорит вроде спокойно, без натянутости ўсякой, вряд ли ей нужно штосьці серьёзное», — просто хотела помириться.

— Помириться? — «а можа яна и не такая уж плохая».

— Я передумала. Я **очень** хочу с тобой дружить. Ты просто сигма!

— Кто?

— Ам... Ты очень клёвая.

— Оу, дзякуй...

— Но только, если ты хочешь быть ещё лучше, — «а нет, показалася», — тебе придётся...

— Нет! — я даже дослушивать не жадаю.

— Что? Но... но... ты ведь даже не дослушала... — яна начала мяться и путать слова.

— Слушай, я понимаю, что, калі ў город приезжае вясковая девушка, у вас создаётся впечатление «*наивной дурёхи з двума косичками и банкой варенья*». Але, бляха-муха, не настолько ж.

— Но ты не дослушала меня. Как ты можешь судить, если...

— А что там дослушивать? Там буде штосьці по типу «*тебе придётся зрабіць якую-нибудь гадость*» альбо «*придётся стать хулиганкой*». Нет. Я не хочу быть лучше. Меня ўсё устраивает.

— Но...

— Дзякуй, не надо. А теперь извини, я очень тороплюсь.

*** (Ева)

— Ну, привет, — «надеюсь, что она уже всё забыла».

— Ой, напугала. А что тебе надо?

— Да так, просто хотела помириться, — «и приумножить свою славу».

— Помириться? — «скажи: да».

— Я передумала. Я **очень** хочу с тобой дружить. Ты просто сигма!

— Кто?

— Ам... — «блин, она вообще отсталая какая-то». — Ты очень клёвая.

— Оу, дзякуй.

— Но только, если ты хочешь быть ещё лучше, тебе придётся...

— Нет! — «что? Она должна была согласиться».

— Что? Но... но... ты ведь даже не дослушала...

— Слушай, я понимаю, что, калі ў город приезжае вясковая девушка, у вас создаётся впечатление «*наивной дурёхи з двума косичками и банкой варенья*». Але, бляха-муха, не настолько ж, — «а она умнее, чем я рассчитывала...».

— Но ты не дослушала меня. Как ты можешь судить, если...

— А что там дослушивать? — и опять она перебила. — Там буде штосьці по типу «*тебе придётся зрабіць якую-нибудь гадость*» альбо «*придётся стать хулиганкой*». Нет. Я не хочу быть лучше. Меня ўсё устраивает.

— Но...

— Дзякуй, не надо. А теперь извини, я очень тороплюсь, — «да она же меня послала!».

«Нет... У кого больше власти, тот и прав! Она хочет войны? Я сделаю так, что все будут против неё. Ты у меня на коленях прощения просить будешь. **Все** будут против тебя, **все**, а виноватой останешься **ты**...»

Глава номер 2

(Маши; вторник, перемена перед 3 уроком)

«Математика, конечно, предмет очень сложный и скучный, але математичка тут просто супер. Сразу видно, что хороший человек...»

— Здравствуйте, дети, — «о, точно со звонком». — Сидите, не вставайте.

Математику ў нас ведёт Анна Сергеевна. Яна яшчэ совсем молодая (на вид ёй лет тридцать), невысокая и слегка полноватая. У неё серые вочы и, як ни странно, волосы. А яшчэ яна всегда запыханная, отчего её лицо кажется красным. Анька з тых учителей, якія успеваюць и **понятно** объяснить новую тему, и шутки шутить пол-урока.

— Так, девятый «А», сразу запишите домашнее, дату, «Классная работа». Сегодня новая тема, но там не сложно. Там просто формулы нужно запомнить. Сейчас я вам распечатаю...

Але вдруг у кабинет без стука ввалилася яшчэ одна женщина. Усе сразу встали. Даже Арсений, дерзивший усю прошлую неделю, стоял смирно, як солдатик.

Я ж гэту фифу вижу впервые: выглядит яна около тридцати пяти, полная, смуглая, з тёмным коре... На каблуках, у чёрном платье, з кучей украшений... И держится яна як очень властная дама.

— Садитесь, — и голос у неё командирский. — Через десять минут вы должны быть в актовом зале. Все с шевронами — я проверю. Девочки, заплестись, — и стала уходить, але после остановилась ў двери. — Почему не встаём? — усе встали, и только тогда яна вышла з кабинета.

«Странная тётка. И вероятно не последняя ў школе, хотя буде смешно, калі гэта просто какая-нибудь оборзевшая училка».

— *Супер*, — Аня завозмушчалася. — А когда нам тему разбирать? Не ну это... ладно. Вы домашнее записали? Если записали, ничего страшного. Пометьте себе там другие номера. Сейчас напишу. А тему уже завтра.

— Эй, Полин, — я тихонько обратилася к подружке.

— Чего?

— А что гэта за тётка сейчас была?

— Это Кошкина. Завуч старшей школы. Она здесь славится самомнением: оно такое огромное, будто ей подчиняется всё министерство образования, — «охотно ў гэта верю». — А ещё она до ужаса требовательная. Даже слишком. Так что радуйся, что у нас она не ведёт.

— Ладно, дзякуй...

«А что гэта за мероприятие вообще? Ну явно, яно буде длиться не десять минут, раз тему уже завтра. Але, надеюсь, и не час, як линейка... Что ж, выбора ўсё равно няма. Посмотрим...»

И вось спустя какое-то время ўсе вышли з кабинета. А после столпилися ў актового зала: нехта держит стены, нехта окно взглядом сверлит, нехта ў потолок плюёт, а двери ўсё ніяк не открываются. Навошта звать так рано, калі не собираетесь впускать?

— Спорим, там будет усатый хрен? — первым голос подал Арсений Комаров.

Ён самый шумный человек з усяго класса. Серавокі шатен. Амбал, усім своим видом напоминающий старый шкаф: высокий, як шкаф, крепкий, як шкаф... и тупой, як шкаф.

— Ещё как варик директриса, — тут жа послышалася з другого конца коридора.

— Директрисе плевать на шевроны.

— Всем плевать, кроме Кошкиной.

— Там всё равно будет усатый хрен!

— А хто гэта? — «стоит узнать аб им перед тым, як мы туда войдём».

— Тебе он понравится. Сейчас у нас будет «патриотическое мероприятие».

— Правда?! — «даже двух недель не прошло».

— Как этому можно радоваться? — опять вочы закатали.

— Заходите, — наконец-то Кошкина нас впустила. — На последние ряды не садиться: в конце мы сделаем общие фото.

— У-у-у... — опять усе рожи покривили.

Актный не очень большой, але очень светлый. Одну сторону занимаюць окна на пол-стены, прикрытые шторами до пола. Вторая же стена просто крашенная, неинтересная якая-то. Паркет. Две узкие деревянные двери. И огромная сцена з широкими ступеньками. Я ўселася на самый первый ряд, каб быць як можно ближе к гэтай шикарнай сцене. А рядом уселася Полина:

— *Ты сейчас будешь прямо пиццать от восторга...*

— Я требую тишины! — «ну навошта кричать у микрофон?» — А теперь начнём. Так как вы у нас патриотический класс, к нам в школу на встречу с вами приехал лейтенант Усатов.

И тут на сцену поднялся лейтенант: толстый, лысый, усатый мужчина з носом чуть ли не на половину лица.

— А... э-э-э... Здравствуйте. Я отставной лейтенант. Зовут меня... э-э... Николай... э-э-э... Минутку. А-а-а... Николай Васильевич.

«И **гэта** патриотическое мероприятие?! Да ён же даже своего имени не помнит!»

— Я х-хочу рассказать вам... вам...

— Что **гэта**?! — я повернулася к Полине.

— *Патриотическое мероприятие*, — у неё такой вид, будто её сейчас вытошнит. — У нас такое каждый месяц. С пятого класса.

— Бляха-муха...

— Смотри дальше: сейчас он начнёт рассказывать, как сломал ногу, когда чинил какую-то там крышу в армии, или, если повезёт, как его в старших классах трудовик побил за неудачный прикол. Короче, *тебе будет очень-очень интересно*.

— А яшчэ якія-нибудь патриотические мероприятия у нас будуць? — «пожалуйста, пускай будуць».

— Иногда будут приходить люди из военных училищ и предлагать поступать к ним, прикрываясь большой стипендией. Но по факту половина желающих всё равно не пройдёт по состоянию здоровья, а остальные не смогут набрать нужное количество баллов на экзаменах. И, кстати, *рассказы студентов тебе тоже очень понравятся*.

«Да-а, ну понятно, чаму тут няма патриотов...»

*** (Маша)

— Все свободны, — «наконец-то **гэта** закончилась».

И сразу звонок. Опять почти час держали.

— Эй, новенькая, — «подружка Адамовой? Яны помнят о моём существовании?» — ну как тебе?

— Слов няма... одни выражения.

— *А что же это такое, тебе не нравится патриотизм?* — Ева...

— Чухня **гэта**, а не патриотизм! — вышло так громко, что ўсе вокруг обернулись на меня.

— Калі **гэта** патриотизм, то я... не знаю... з мегалополиса.

— Надо же, как ты заговорила... — Адамова.

— Як? Да, я патриотка. И я горжуся гэтым. Але **гэта** вось... вообще к патриотизму не относится!

— Почему же? Военный...

— А ён про войну рассказывал? — я даже закончить ей не дала. — Ён не рассказал ни про бои, ни про службу ў армии, ни про ту же технику... Ён якую-то чухню про крышу нёс! И вообще, не обязательно говорить про патриотизм толькі, як про войну.

— А как же «*готовы родине служить*»? — тут уже и мальчишки подключились.

— Служить Родине необязательно на боевом поле. Патриотизм — гэта любовь, любовь к своей стране, своему народу, гэта желание сохранить и улучшить Родину! Гэта уважение к Родине и её народу... — усе затаили дыхание и молча уставились на меня, ожидая продолжения. — Да, служба ў армии ці военная оборона относятся к патриотизму, але ён на гэтым не заканчивается.

— Маш, а что это тогда? — впервые я увидела ў Полины такой взгляд, такой чистый и слегка наивный...

— Любовь к своей стране. Уважение и любовь... Такая ж, як к маме ці папе... — я улыбнулась и зрабіла голос мягче.

— Ну, а что тогда патриотическое мероприятие? — «ого, а вось ад Евиных подружек я не ожидала такого интереса».

— Ульяна! — а Ева сразу бесится.

— Вообще, калі я узнала, что буду учиться ў патриотическом классе, я представляла, что мы будем ходить по разным музеям, выставкам, на экскурсии по предприятиям. На «коммунарку», например. Во ўсякие памятные места, хотя б на ту ж площадь Победы. Думала, что нас будут учить народному творчеству...

Толькі сейчас я подняла вочы. Почти ўсе мои одноклассники были заморожены, яны буквально боялись вздохнуть, каб, не дай бог, не пропустить какое-нибудь слово.

— Блин, это и правда лучше было бы... — им потребовалась какое-то время, каб понять, что продолжать я не буду.

— Да что-угодно лучше, чем усатый хрен!

— Хочу на «коммунарку»...

— Рядом военная часть, почему туда сводить не могут? Солдатская каша, автоматы...

— Какие тебе автоматы? Тебе «сено-солома» надо.

«Что за бунт? Что за споры? И давно их ничего так не будоражило? У них даже... у них вочы зажимаются... А яны не так безнадежны».

— А ты получается... патриотка! — у меня тыкнули пальцем. — Блин, это прикольное, чем просто «новенькая».

— Эй, Патриотка... Почему не откликаешься?

«Полина была права».

*** (Ева, после уроков)

— Я дома, — «тишина? Как странно». — Кто-нибудь есть? — опять тишина.

— Неужто хоть в коем-то веке я дома одна...

Я поспешила переодеться и чего-нибудь поесть, однако, несмотря на спокойствие в квартире, что-то оставалось беспокойным внутри. Хорошо ещё, что нет папаши, который будет напоминать про новенькую... Новенькая.

— Тупая деревенщина! *А научи меня... А она права...* Тьфу! Какого хрена она вообще переехала?! Сидела бы в своей *Перделовке* и не действовала мне на нервы!

И телефон зазвонил. Я не намерена сейчас ни с кем разговаривать! Неужели нельзя позвонить потом?

— Все просто сговорились, чтобы испортить мне настроение! — «оу, Ярик...» — Алло...

— Привет.

— Привет, милый...

— Ам... Ты сейчас можешь говорить?

— Я дома одна и могу говорить сколько влезет.

— Я буквально на минуту...

— Ой, как жаль...

— Короче, Ева, я тут подумал, раз уж я теперь в колледже... Давай встречаться.

— Да, давай! — я чуть ли не вскрикнула.

— Так, ты свободна в следующие выходные? Мы могли бы прогуляться... Хотя подожди, у тебя же с родителями проблемы. Я тебе в следующую пятницу позвоню, когда ты уже точно будешь знать. А, если забуду, ты мне набери. Окей?

— Как скажешь, пупсик...

— Моя конфетка.

— Мой милый...

— Моя любимая...

— Мой...

— Так, ну всё... У меня времени нет. Пока...

— Пока...

И ещё где-то минуту мы не решались повесить трубку. Я всё ждала, что он первый, а он, видимо, думал, что первой буду я. Но в итоге Ярик всё же сдался.

— Ура! Я встречаюсь с Яриком! — я чуть ли не прыгала от счастья.

«Стоп. А если мать узнает?

Пока не закончишь институт, никаких мальчиков! Чтоб даже не смотрела в их сторону...

Нет. Она не должна узнать. И не узнает! Надеюсь...

А вот подружкам рассказать можно. Даже нужно».

*** (Ева, на следующий день)

— А я теперь встречаюсь со своим крашем.

— О как!

— С Яриком чё ли?

— Ага...

— Охренеть, — «я знала, что она порадуется».

— Ну ты крутая... — «и Уля тоже...»

— Я знаю. Так что я опять самая офигенная.

— Стой. В смысле **опять**? — Дашка чуть очки не уронила.

— Да просто... новенькая...

— Да что тебе эта новенькая?! — «так, Уля разошлась».

— Да она вообще никто! — и сестричка туда же. — Приехала из какого-то *Мухосранска*...

— Ну... *деревеницина*.

— А тьфу на неё! — «всё, они поплыли...»

— А что она сделала? А? Ничего!

— *Ты ничего не добьёшься...*

«Ну всё, сейчас всю перемену будут угорать. Хотя, если подумать, в чём-то они действительно правы. *Подумаешь, раскритиковала усатого хрена...* Ничего стоящего ещё не было».

— Эй, *Патриотка*, — «нужно показать ей, что я главнее», — ты чё там стоишь?

Момент просто идеальный: она прямо напротив и старается не смотреть на меня или кого-либо ещё.

— Больше недзе — сумки везде, — ответила она спокойно, но развернулась к нам спиной.

— Это чё было? — зато близняшки ко мне повернулись.

— Я... я подумала...

— Ты чё прекратила? — Даша, на сколько я помню, всегда отличалась своей дерзостью.

— Да чем её можно подцепить? — я легонько кивнула в сторону новенькой.

А сестрички только фыркнули. После они перемигнулись и пошли в сторону деревенщины, не сказав мне ни слова. А я даже не имею представления, что они собираются делать.

— Эй, *Патриотка*, — Дашка первая начала.

— Что?

— А ты *точно патриотка*? — «оу, я, кажется, поняла...»

Новенькая только лениво повернула к ним голову. Но Коноваловых это явно не устроило, и деревенщине пришлось повернуться к ним полностью и начать разговор:

— Да. Я **точно** патриотка.

— Ну а чего ты тогда не в форме? — Ульянка подключилась.

— А юбка з рубашкой — гэта не школьная форма?

— А почему ты не в военной форме?

— А ў нас зараз война? Шеврона более чым достаточно.

— *Это неправильно! Это значит, что ты не патриотка!* — Даша.

— *Ну, ты родину свою предаёшь...* — Уля.

— *Фу, позор!* — Даша.

— *Как так можно...* — Уля.

— Вот сейчас придёт Кошкина проверять, а патриотов нет... — Даша.

— Ну, и ты ей не докажешь ничего... — Уля.

— А ты вообще знаешь...

— Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... Что вы зудите, як зудельныя ямы?!

Это было очень громко. Весь этаж, наверное, услышал. Таких кринжовых фразочек ещё не было в нашем классе. Да что в классе? Во всей школе ещё никто так не выражался!

— Что? Какие ямы? — я прямо в голос засмеялась, а вместе со мной заржал весь класс.

— Якія тебе і во снах не сніліся. Отстань ад меня.

— А чего это наша деревенщина язык переключила? Чё без этого никак? — я последовала примеру подружек.

— Тебе-то что з гэтага? — «надо же, она ещё и огрызается».

— Ничего, — я выхватила у неё из-за спины сумку со спортивной формой. Всё-таки физически достать проще.

— Отдай, — но с этими словами я швырнула шоппер в другой конец коридора:

— Давай, метнись кабанчиком.

— Ну, вперёд! Иди-иди! — и Коноваловы меня поддержали.

— Зусім мазгоў няма.

Пока она, хмуря брови, побрела за формой, мы с близняшками затащили портфель в противоположный угол. А тут и звонок. Теперь деревенщина ещё и на урок опоздает.

*** (Ева, на следующий день)

«Как же скучно... Вот почему нельзя сидеть на переменах в телефонах?! Когда вообще на перемене было весело? Хотя, если подумать, было немного весело вчера. А может опять попробовать достать Патриотку? А что: деревенщина так смешно злится... может ещё какую фразочку выкинет...»

— Эй, Патриотка, — я позвала её, но та даже не соизволила повернуться. — Патриотка, — «глухая совсем...» — Деревенщина!

— Отстань!

— Ты чё такая грубая?

— А чё ты такая тупая?

— Ты чё офигела?! Что я тебе сделала?

Она отвернулась и отошла, считай, в другой конец коридора.

«Надо же обиженка какая... Будет ещё веселее...»

Звонок. И физика... ненавижу физику. Мало того, что предмет сложный, так ещё и физик с приколами.

— Я чего-то не понял, а чего все сели? — «сам же опоздал». — Ну хорошо, подождём, будем пол-урока вставать и садиться, — все встали. — Здравствуйте, садитесь. А чего вы так громко садитесь? Потихе не учили? — «козёл...» — Короче, тема сегодняшнего урока...

Мы только начали, а я уже ничего не понимаю... ещё и угораздило сидеть прямо за ней. Близняшки, вун, на другом ряду вообще. Хотя может так она намекает, что ей мало было?

— Эй, Патриотка.

— Ну что тебе опять надо? — «хоть бы повернулась...»

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Да.

— Лол. Объяснишь?

— Нет.

— Кто это там разговаривает?

Тишина. Сейчас он снова отвернётся или устанется в телефон, и опять будет шумно. О, отвернулся!

— Эй, деревенщина...

— Яшчэ раз ты да меня докопаешся, я табе ў рожу плюну!

— Фу, ну ты и токсик, — я отстала от неё, но только на пару минут.

«Так у неё эта коса болтается туда-сюда. Зачем такая длинная? Вот были б волосы покороче... А хотя зачем у меня ножницы в пенале валяются? Хотя не слишком ли это? Но это ведь не больно. Да и хороший способ отомстить ей за то, что отказала... К тому же я б на такое не обиделась. Ай, ладно... Волосы не зубы — отрастут. Зато какая реакция будет! Нужно только аккуратненько...»

Я только дотронулась до неё волос, как она вдруг повернулась ко мне, сначала долго смотрела на ножницы, а потом... Тварь!

— Она в меня плюнула! — я аж вскочила.

Слюна попала не в лицо, слава богу, а на руку... Фу, дрянь!

— Тварь! Дебилка! Овца тупая! Деревенщина: ни манер, ни мозгов!

— Вы что издеваетесь?! — ещё и физик масло в огонь льёт.

Он не стал разбирать. Вообще. Нас сразу отправили к Вальке:

— Ей Богу, что вы творите?

— Это она виновата! — я было начала защищать свою позицию, но классуха и слушать не захотела:

— Ради Бога, заткнись! Я не собираюсь разбираться кто и в чём виноват! — «ещё одна».

— Валентина Геннадьевна, простите, пожалуйста. Я могу всё объяснить... — и деревенщина влезла.

— Нечего здесь объяснять! — я уже орала. — Ты в меня плюнула!

— Ты хотела обрезать мне волосы!

— Но я же этого не сделала!

— А ну обе закрыли рты! — тут уже рявкнула классная. — О, Господи, что мне с ними делать? Значит так: дневники на стол.

— У нас з собой няма, — «лучше бы ты молчала, раз провинилась».

— Подождите, я чё я должна давать? Я же...

— Слышать ничего не хочу... — даже договорить не дала.

Мы сходили за дневниками, нас отчитал козёл, потом опять отчитала Валька, а в дневниках нам обеим написали «Срывает уроки!». Ещё и написали так, что сразу взгляд цепляется: красным и на полстраницы.

«Офигеть просто! Мать меня убьёт...»

*** (Маша)

«Срывае уроки... Як будто яна ў свои годы была прямо паинькой и ангелом неземным».

— Маш, — «о, Полина».

— Что случилась?

— Я видела, что было.

— Гэта не я...

— Это обалденно! Так и надо этой Адамовой! Кстати, сильно вас ругали?

— Не особо. Честно, думала, что буде хуже. Разве что дневник испоганили, — я показала ей злополучную страницу.

— Тебе, наверное, влетит дома... Дать замазку? У меня тонкая — её почти не видно. Родители ничего не заметят.

«Замазка? Навошта?»

— Дзякуй, конечно, але навошта? Я просто расскажу родителям, як усё было на самом деле.

— И они тебе поверят? — яна аж вочы округлила.

— А что не должны?

— У тебя такие крутые родители... — «что з ней?»

— Яны действительно супер. Але чаму ты так реагируешь?

— Ты. Доверяешь. Родителям. У меня, конечно, тоже вроде адекватные... Но это большая редкость. Очень большая редкость. Не ну, может у вас в деревне так и принято... но тут мало кто может таким похвастаться.

«Даже боюсь представить, что тут тогда творится, калі даже маме з папой нельзя доверять».

— Честно, у вёске, дзе я жила, было просто бесполезно штосьці скрывать, вось мы сразу и говорили. Там з развлечений было три гаража да два забора! И мы знали ў лицо почти ўсіх жителей, а яны, ясно дело, рассказали б раньшэ, чым ты да дома дойдэш.

Судя по её лицу, подруге такое явно незнакомо. Звонок.

— А у нас алгебра или геометрия? — Поля часто путается ў расписании и приносит толькі половину учебников, хотя тут, як ни странно, так робяць большинство.

— Сейчас геометрия.

— Спасибо.

Наконец у класс зашла Анечка: опять взволнованная и ўся красная. И зноў куда-то спешит.

— Так, дети, мне нужно отойти буквально минут на пять, — журнал кинула на стол, а сама начала рыться ў своих бумагах. — А вы пока повторите последнюю тему. Напишем небольшую самостоятельную. Там несложно. Если будете сидеть тихо, разрешу в конце урока учебниками пользоваться, — и ушла, прямо вылетела з кабинета.

«Бляха-муха, вообще ни одной формулы не помню. Ладно, можа что выучу по-быстрому. А можа и запишу... хотя нет, так нечестно...»

Я пыталася сосредоточиться на формулах и примерах решения, але ничего не получалася... Сначала находим периметр, потом через периметр находим площадь, затем снова возвращаемся к периметру и карыстаемся теоремой Пифагора... Буквы, буквы, буквы... И ў ответе буквы. И формул, як будто тысяча.

— Так, пишите в тетрадах, — я и не заметила, як Анна Сергеевна вернулася. — Задание на доске, — яна отвернула боковые дверки. — В первом только буквы. Во втором и третьем чертить **не нужно**. Все услышали?

— Да...

— В четвёртом и пятом уже нужен рисунок...

— А в третьем? — «стоило гэтага ожидать».

— Во втором и третье чертить **не нужно**. Только в последних двух. А, и ещё кое-что: в ГДЗ неправильно, говорю сразу. Так что телефонами можете пользоваться сколько угодно, лезть куда угодно... Но, пожалуйста, списывайте на свою оценку. Слышал, Комаров?

— А чё сразу я? Когда это я списывал?! Да у нас даже телефонов нет: мы всё сдаём!

— Да-да-да... Мне свои сказки можешь не рассказывать.

— Анна Сергеевна, я вам клянусь...

— Арсений, — яна уже пальцем пригрозила, — спишешь на десять пойдёшь на каторгу к доске...

«Так и буде».

— Всё, учебники закрываем. Сидите тихонечко, — а сама ў журнал уставилась.

«Ладно, нужно хотя б взглянуть на задания... А работа и вправду лёгкая...»

*** (Ева, дома вечером)

— Откуда замечание?! — «лучше бы папа пошёл дневник проверять: ему всегда и на всё плевать». — Что значит «срывает уроки»?!

— Мама, пожалуйста, я ничего не срывала...

— А кто тогда?!

— Это... это новенькая...

— То есть новенькая виновата, а замечание **тебе** написали? Так что ли?!

— Мама, пожалуйста, не кричи... Прошу...

— Не указывай матери! — дневник с грохотом шлёпнулся на стол.

— П-прошу, д-дай я всё объясню...

— Ева, — «опять этот тон...» — посмотри на меня. Что будет дальше? Сегодня замечание, завтра докладная, потом учёт, милиция... Ты **этого** хочешь?! **Ева Адамова**, у тебя даже имя говорит, что ты во всём должна быть первой! Хватит меня позорить!

«При матери плакать нельзя... при матери плакать нельзя... Она ещё и за слёзы меня отчитает... Ладно просто отчитает, а если побьёт?»

— Значит так, чтобы больше такого не было. Тебе. Всё. Ясно?

— Да, мама...

— Делай уроки на завтра.

— Я... я сделала...

— Тогда делай на послезавтра, на следующую неделю, на следующую четверть... Только не нервируй меня! — она вышла, так хлопнув дверью, что, кажется, задрожали стены.

«Даже мягко в этот раз...»

*** (Ева, на следующий день)

«Кошкина, видимо, решила поиздеваться над нами, раз поставила математику первым в пятницу».

— Кого нет? — неужто Аньке никуда не надо.

— Только Коноваловых, — «вообще трындец».

— И Хрипка есть?

— Я тут!

— Сонь, тогда, пожалуйста, раздай тетради.

Мне раздали первой: шесть.

«Теперь мать точно убьёт меня. Два прокола подряд... Так, нужно отвлечься. Должно же быть хоть что-то приятное...»

— Эй, Патриотка, — я хотела дёрнуть её, но решила, что вчерашнего хватит, — сколько у тебя?

— Семь, — «лучше, чем у меня. Сволочь. Теперь точно от неё не отстану».

— Чего? У тебя семь? Фу... а я думала: ты на одни десятки учиться будешь...

— А якога чёрту я должна учиться на одни десятки? — «так, главное, чтобы снова не плюнула...»

— Ты же у нас патриотка, типа, всё для страны. Ты же, вун, даже на «родную мову» перескакиваешь.

— Во-первых, гэта называется трасянка. А во-вторых, як гэта, бляха-муха, относится к семёрке по геометрии?!

— А вот понадобится тебе найти какой-нибудь... тангенс высоты железнодорожной насыпи, — «ну и задания, конечно, в учебниках», — а ты не можешь! И всё. Ты родину подведёшь.

— Адамова, — Анна Сергеевна, — ты чего кричишь на весь класс?

— Извините, — «ладно, всё-таки, наверное, нужно прекратить. Я и так наказана...»

— Возникло очень много вопросов с четвёртым заданием, — теперь уже она обратилась ко всему классу, — так что давайте вместе его разберём. А Ева нам в этом поможет.

— Да я ничего не понимаю.

— Давай, сейчас вместе разберёмся. Я покажу как. Давай быстрее.

«Это всё из-за деревенщины... Ненавижу её».

*** (Маша)

— А вот понадобится тебе найти какой-нибудь... тангенс высоты железнодорожной насыпи, а ты не можешь! И всё. Ты родину подведёшь.

«Яна себя вообще слышит? Альбо специально чухню несёт? Вчерашнего было мало?»

— Адамова, ты чего кричишь на весь класс?

— Извините, — «а передо мной яна извиняться не собирается?»

Усе последующие слова и посторонний шум я пропускала мимо ушей — не хочу даже слышать её!

«Евка чувудла... Яна ж первая начала! И не отстаёт... Да чтоб яна... нет. Такое желать нельзя. Чтоб яна навсегда заткнулася и не лезла!

Адамове хочется, чтобы я сыграла ў её игру — лады. Але играть буду по своим правилам. Я и не такие пятна оттирала: я завоюю местное уважение, а яна пусть бесится дальше...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.